

Экономика

Проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. «Круглый стол» в ИДВ РАН

В обзоре представлены результаты дискуссии в рамках «Круглого стола», проведенного в ИДВ РАН. Были подняты вопросы развития экономики региона, подъема Китая и изменения политики США, поворота России на Восток, затронуты также проблемы нетрадиционной безопасности, процессы и факторы, определяющие экономическую безопасность в Восточной Азии. Проанализированы потенциал и формы укрепления экономического сотрудничества, возможные пределы интеграции стран региона и ведущих держав.

Ключевые слова: «круглый стол», экономическая безопасность и сотрудничество, страны Восточной Азии, пределы и формы региональной интеграции, пути решения проблем.

27 октября 2014 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялся «Круглый стол» на тему «Актуальные проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Это мероприятие проведено в рамках совместного исследования ИДВ РАН и Института китаеведения Академии общественных наук Вьетнама по гранту РГНФ № 14–27–09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Участники встречи дали анализ текущего состояния экономической безопасности и форм экономического сотрудничества в регионе.

Помимо участников проекта РГНФ, с докладами выступили авторитетные российские специалисты из ИМЭМО РАН, МГИМО МИД РФ, РУДН, в том числе А.Н. Федоровский, Н.Г. Рогожина, А.А. Рогожин, Е.В. Колдунова, Н.В. Стапран, Ю.В. Тавровский. От ИДВ РАН в работе «Круглого стола» также приняли участие заместители директора Института В.Я. Портяков и А.В. Островский. Организатором и модератором был руководитель проекта и Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, на базе которого реализуется данный международный проект, д.э.н. В.М. Мазырин.

Открывая научную дискуссию, **Мазырин В.М.** охарактеризовал основные тренды глобальной экономики. Главными движущими силами мирового экономического развития сегодня становятся инновация и глобализация. Глобализация ведет к тому, что мировая торговля растет быстрее, чем ВВП, а инвестиционные потоки — быстрее объемов коммерческой торговли. Возникло общемировое финансовое пространство.

Пределы роста во многом определяются в настоящее время ожиданиями повторения кризиса 2008–2012 гг., и новый виток грозит начаться с сырьевых и торговых рынков. Китай — крупнейший среди таких рынков — наиболее уязвим в этом отношении.

Как реакция на это, отметил докладчик, возможно, усиление странового протекционизма в целях защиты национальных интересов. Столь продолжительный кризис, сопоставимый по своим масштабам с великой депрессией 30-х годов XX в., вызван, прежде всего, системными причинами. Началась смена одного технологического уклада другим, в результате чего лидеры экономики знаний пока выигрывают в этой гонке.

Однако ввиду неравномерности развития и резкого рывка вперед прежде отсталых стран Востока, баланс сил уже частично нарушен, и этот процесс будет нарастать. Хотя размер экономик США, ЕС и Японии уменьшается относительно развивающегося мира, тем не менее, они остаются самыми крупными и богатыми странами с точки зрения доходов на душу населения. Развивающиеся экономики Восточной Азии растут быстрее, чем экономики стран с высоким уровнем доходов, и сегодня их доля в мировом производстве составляет одну треть по рыночным ценам и половину при измерении по ППС. Отмечая, в частности, что разница между темпами роста развитых и развивающихся стран увеличилась, Мазырин В.М. подчеркнул, что бизнес-циклы стали более синхронными. Это, по его мнению, определяется тем, что развивающиеся страны становятся все более тесно интегрированными. Если они продолжат расти нынешними темпами, их доля в мировой экономике в 2020-е годы повысится до половины в текущих ценах, и одновременно Китай станет крупнейшей экономикой в мире.

Он отметил растущую долю развивающихся стран в глобальных инвестициях в основной капитал и торговых потоках. При этом Китай будет играть центральную роль: его подъем создает большие возможности для других стран Восточной Азии и остального мира в плане роста, движения капитала и поддержания высоких цен на сырьевые товары.

Далее Мазырин В.М. охарактеризовал эти изменения в мировой системе управления экономикой как преддверие к созданию мира без доминирующего экономического полюса. В таком «бесполярном» мире, вероятно, будут преобладать вовлеченные в кооперацию страны и торгово-экономические блоки. Это породит также риск роста регионализма и может свести на нет или сократить, как боятся либеральные экономисты, многие достижения глобализации за последние полвека.

В условиях доминирования рыночно ориентированной интеграции будет происходить укрепление институтов и механизмов всеобъемлющего регионального экономического сотрудничества. Представляя сценарий на период до 2020 г., докладчик отметил, что потенциальный рост экономики региона замедлится. Также отмечено нарастание воздействия социальных и природных факторов на развитие региона, которые могут представлять угрозу для экономической безопасности.

В своем выступлении в.н.с. ИДВ РАН **Локшин Г.М.** остановился на возможностях укрепления или ослабления экономических позиций США в регионе и на американской концепции «возвращения в Азию». Отмечено, что за прошедший период XXI в. США утратили многие свои позиции в ЮВА, хотя остаются крупнейшим политическим, экономическим и стратегическим игроком в Азии. С победой на выборах 2008 г. Б. Обамы по странам ЮВА, как и по многим другим, прокатилась волна ожиданий — так называемая «обамомания». Но выражалась она не столько в желании наращивания американского военного присутствия в регионе, сколько в надеждах на то, что США предложат им наконец такую программу сотрудничества, которая позволит пережить неумолимо надвигавшийся мировой экономический кризис и решить самые острые и болезненные проблемы региона, повысит качество жизни и поможет одолеть нищету, в которой там живут многие миллионы людей. Но после первого срока администрации Б. Обамы, как и в период второго срока, эти ожидания в основном так и остаются ожиданиями.

Докладчик отметил, что в первом десятилетии XXI в. США являлись главным торговым партнером АСЕАН с объемом товарооборота более 200 млрд долл. Но с 2010 г. вперед вышел Китай, нарастив товарооборот до 293 млрд долл. В 2013 г. объем двусто-

ронной торговли АСЕАН с Китаем достиг уже 350,5 млрд долл. (по китайским данным 443,6 млрд долл. — *Прим. ред.*), а в октябре 2013 г. стороны договорились довести его в 2015 г. до 500 млрд долл. и к 2020 г. — до 1 трлн долл. По общему объему инвестиций в 2012 г. США пока с остаются на первом месте (190 млрд долл.), опережая Японию (134 млрд долл.) и Китай (51 млрд долл.).

Говоря об отношении Вашингтона к интеграционным процессам в ВА, докладчик подчеркнул их «асеаноцентричность», т.к. США рассматривают углубление многостороннего сотрудничества с АСЕАН как наиболее эффективный способ противодействия возвышению Китая. Изменение политики США в этой части АТР не в последнюю очередь связано и с их экономическими интересами. США, как и другие традиционные лидеры в торговле с АСЕАН (Япония и ЕС), не хотят уступать Китаю подконтрольное им рыночное пространство, усиливают конкурентное давление на него, в частности, путем формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и создания торгового блока в виде так называемого «Транстихоокеанского партнерства» (ТТП).

По мнению докладчика, цель состоит в том, чтобы предоставить больше преимуществ на рынках своим союзникам и партнерам и ослабить значение ЗСТ АСЕАН—Китай. ТПП призвано также расстроить механизм политических консультаций в рамках объединений АСЕАН+1 и АСЕАН+3, а с участием в ТПП таких стран, как Малайзия, Сингапур, Вьетнам и Бруней возникнет система не только экономических связей, но и политических консультаций, альтернативная АСЕАН и КАФТА. В действительности, поворот США в Азию сопровождается поворотом внутри Азии. Вашингтон уравнивает исторический акцент на странах Северо-Восточной Азии повышенным вниманием к государствам Юго-Восточной Азии, таким как Индонезия, Филиппины и Вьетнам, стремясь активизировать двустороннюю торговлю и увеличить взаимные инвестиции с некоторыми из наиболее динамичных экономик, а также наладить военное сотрудничество.

По мнению Локшина Г.М., несмотря на критику концепции «поворота» в АТР и краткосрочные отступления США от заявленной политики, вопрос состоит не в том, будут ли Соединенные Штаты уделять ЮВА больше внимания, а в том, смогут ли они выделить для этого необходимые ресурсы.

В своем выступлении **Портяков В.Я.** дал развернутую характеристику результатов экономического развития Китая за последнее десятилетие. За период с 2000 по 2013 гг. ВВП Китая в долларовом выражении (при пересчете по текущему курсу) вырос с 1,2 трлн долл. до 9,18 трлн долл., а его доля в мировом валовом продукте увеличилась с 3,66% до 12,4%. Было констатировано, что при этом соотношение ВВП Китая и ВВП США выросло с 11,6% до 54,6%. В 2014 г. Китай превзошел США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют. В последние годы он вышел в мировые и региональные лидеры и по внешнеторговому товарообороту, который вырос с 509,6 млрд долл. в 2001 г., накануне вступления в ВТО, до 4,16 трлн долл. в 2013 г. (у США 3,91 трлн). КНР стала крупнейшей торговой державой мира с долей в мировом экспорте 14,7% и в мировом импорте 12,9%.

Рассматривая переориентацию модели экономического роста Китая от накопления и экспорта к потреблению и научно-техническому прогрессу, докладчик констатировал, что этот процесс потребует огромных затрат и длительных неустанных усилий по подъему науки, созданию собственных технологий, ресурсосбережению, более равномерному распределению доходов в обществе, внедрению всеохватывающего социального обеспечения населения. Важной чертой нынешней трансформации названо постепенное снижение темпов экономического роста Китая в обозримой перспективе: с 7,4–7,5% в 2014 г. до 6,8% в 2017 г., 6,3% в 2020 г. и 5,5% в 2023 г.

Портяков В.Я. остановился на текущей ситуации в торговле КНР с некоторыми соседними азиатскими государствами. В экспорте Вьетнама она на 4-м месте с долей 11,2%, зато в его импорте — на первом с долей 25,5%. У Индии доля Китая в экспорте

5,1% (4-е место), а в импорте он делит первое место с Евросоюзом — по 11,1%. Очень велика роль Китая в торговле Японии (18,1% в экспорте и 21,3% в импорте) и Республики Корея (24,5% в экспорте и 15,5% в импорте), Казахстана (17,9% и 16,8%). У Таиланда, Малайзии, Сингапура, Пакистана эти доли варьируют от 10 до 15%. В последнее десятилетие Китай все более активно выступает в мировом хозяйстве не только как получатель зарубежных инвестиций, но и как крупный инвестор.

Отмечая активные дискуссии о сроках и темпах интернационализации китайского юаня, докладчик высказал предположение, что юань, судя по всему, будет постепенно укреплять свои позиции в качестве валюты международных расчетов и банковских накопительных счетов, однако этот процесс будет небыстрым.

На вопрос об угрозах интересам других стран региона со стороны Китая В.Я. Портяков, ответил, что главная угроза — это внутренняя нестабильность. КНР прилагает большие усилия по смягчению социальной напряженности. Возможны массовые перемещения населения из-за загрязнения окружающей среды. Существует угроза безработицы из-за снижения темпов роста и она сегодня серьезней, чем угроза роста инфляции.

На вопрос о том, как Китай пытается регулировать ситуацию в ЮКМ с другими претендентами на спорные острова, докладчик ответил, что стороны конфликта стараются не сжигать мосты, понимая необходимость сохранять отношения. Еще в 2012 г. Китай заявил, что он не претендует на всё море, хотя с приходом к власти Си Цзиньпина позиция Пекина стала жестче.

В докладе “Поворот России в Азию” **Колдунова Е.В.** остановилась на вопросах о том, насколько он был продуман или ситуативен, какие подходы здесь существуют, какие реальные преимущества Россия может от этого получить.

Докладчик отметила ряд проблем и, в частности, депопуляцию на российском Дальнем Востоке, а также то, что в течение 90-х годов программа его развития была реализована не более чем на 25%. Включение других стран региона в экономику нашего Дальнего Востока осуществлялось больше через теневые формы. К 2010 г. стало очевидным отставание Дальнего Востока по сравнению с китайскими пограничными провинциями. Китайские ученые дали пессимистический прогноз развития Дальнего Востока, полагая, что РФ не может контролировать этот процесс.

Проблема состоит, по мнению докладчика, в том, что заявляя о развороте в Азию, Россия не имеет четкого представления о финансовой составляющей реформ и о том, как она будет диверсифицировать отношения со странами Восточной Азии и разрешать противоречие, связанное с тем, что Россия не очень готова к интеграции. На вопрос о том, может ли Россия хотя бы в среднесрочной перспективе переориентироваться с США и ЕС на Восток, Колдунова Е.В. ответила, что это будет зависеть от дальнейших действий США. По ее мнению, России не очень хотелось бы разворачиваться. Но рост экономических связей, например, торговли с АСЕАН (он 5-кратный, то есть на уровне Канады) будет подталкивать к повороту.

В эту дискуссию вступил **Островский А.В.** Он отметил, что Россия вслед за СССР вторично делает такую попытку, при том, что ее «буквально выталкивают на Восток». Как важный фактор он отметил, что В. Путин воспринимает это как свой проект и направляет процесс. К счастью, появился Китай, который желает расширения сотрудничества с Россией. В этом сотрудничестве примут участие и другие страны — Тайвань, Япония. Развитие Дальнего Востока — это стратегическое направление на долгие годы. Разворот, по оценке Островского А.В., будет впечатляющим.

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН **Рогожина Н.Г.** затронула проблему экологической безопасности в Восточной Азии. Она, в частности, отметила, что для стран Восточной Азии обращение к этой теме напрямую связано не столько с возникновением угрозы международных конфликтов, вызванных соперничеством за ограничен-

ные природные ресурсы, сколько с перспективами достижения экономического и социального прогресса, которые выглядят весьма туманными на фоне обострения экологических проблем, грозящих перерасти в полномасштабный экологический кризис.

Докладчик обратила внимание на провозглашение КНР курса на создание экоцивилизации. Эта концепция перспективного развития Китая стала политической программой развития страны. Построение экоцивилизации, по словам председателя КНР Си Цзиньпина, представляет собой «китайскую мечту» по модернизации страны в соответствии с идеями социализма, имеющими китайскую специфику. Китаю предстоит показать миру новый сценарий неоиндустриализации, основанный на развитии новых технологий, рациональном потреблении природных ресурсов, на снижении уровня загрязнения окружающей среды, полной реализации преимуществ огромного человеческого потенциала страны.

Стратегия зеленого роста как в Южной Корее, так и в Китае является неотъемлемым компонентом их экспортно ориентированного развития и основывается на амбициозных целях использования своих технологических ресурсов. Их создание оценивалось бы обеими странами как стратегически важная сфера производства, позволившая им занять лидирующие позиции в мире. Так, по оценкам Министерства наукоёмкой технологии Южной Кореи, в случае выполнения планов по развитию возобновляемых источников энергии, доля этих технологий на мировом рынке составит 15% к 2015 г., а доход от их продаж — 36,2 млрд долл.

Что касается стран Юго-Восточной Азии, то среди них можно выделить явных лидеров в реализации курса на экологически безопасное экономическое развитие, таких как Малайзия и Сингапур, которые так же как КНР и Южная Корея, придерживаются курса на осуществление зеленой революции на базе развития зеленых технологий. В Таиланде концепция зеленого развития нашла отражение в стратегии «Экономики самообеспечения», которая вписана в общий контекст социально-экономического развития страны и нацелена на соблюдение паритета экологических и экономических ценностей развития. Большинство же стран ЮВА за исключением Вьетнама и Индонезии не разработало еще стратегий зеленого роста как условия обеспечения своей экологической безопасности и выражает лишь общее намерение трансформировать свою экономику с учетом экологических потребностей развития.

Гордиенко Д.В. (ИДВ) в своем выступлении представил понятийный аппарат экономической безопасности на современном этапе. Отталкиваясь от анализа тенденций развития мирохозяйственных связей, научно-технических преобразований в экономике, мировых интеграционных процессов и воздействия этих факторов на экономические основы национальной безопасности государств мирового сообщества он сделал ряд выводов:

1. Укрепление экономических основ безопасности государства обуславливает необходимость глубоких структурных преобразований в хозяйственном комплексе страны, ускорение научно-технического прогресса, массового внедрения в производство новейших технологий.

2. Экономическая безопасность государства предполагает всестороннее совершенствование внутриэкономического и внешнеэкономического механизмов ее обеспечения.

3. Важнейшим рычагом укрепления национальной безопасности стран мирового сообщества являются экономическая и военно-экономическая интеграция, совершенствование системы коллективной безопасности.

Заведующий сектором общих проблем АТР ИМЭМО РАН **Федоровский А.Н.** отметил тесные взаимосвязи внутри мирового хозяйства. В частности, он подчеркнул, что специфику ситуации в Восточной Азии определяет разнонаправленность региональных политических и экономических тенденций. Несмотря на рост политической напряженности в отношениях региональных держав и обострение территориальных споров,

продолжают развиваться экономическое взаимодействие восточноазиатских государств между собой, а также их торгово-инвестиционные связи с США. В частности, на США и Японию приходится пятая часть внешнеторгового товарооборота КНР (12,5% и 7,5%), причем в китайском экспорте совокупная доля американского и японского рынков составляет 24%. Кроме того, он отметил стабильную заинтересованность во взаимных финансовых обменах (Китай вошел в числе ведущих держателей американских ценных бумаг), а также в региональной промышленной кооперации.

Говоря о безопасности, Федоровский А.Н. сделал вывод, что она зависит от участия стран в производственно-распределительных цепочках, от того, кто встанет во главе этих цепочек. Китай ставит задачу нарастить креативное участие в них. Он также прокомментировал индекс участия в глобальных цепочках добавленной стоимости (указывающий долю в них промежуточных товаров, которые завозят и вывозят из страны). В среднем в мире для развитых стран индекс составляет 59%, для развивающихся — 52%, для Китая — 59%, Японии — 51%, США — 45%.

В то же время наряду с развитием финансовых, торгово-экономических и кооперационных связей, как отметил докладчик, отношения региональных держав характеризуются их конкуренцией и столкновением интересов в Восточной Азии за источники топлива и сырья, за качество привлекаемых инвестиций и контроль за научно-техническими обменами, за участие в развитии инфраструктурных проектов. Наконец, главное, за право влиять на формирование стратегии тихоокеанской интеграции. Одним из выражений этой борьбы становится конкуренция институтов, действующих под влиянием той или иной державы. Так, в ноябре 2013 г. на Саммите АТЭС на о. Бали (Индонезия) был выдвинут тезис, что тихоокеанскому региону, в том числе Восточной Азии, в полной мере мешает реализовать свой потенциал неразвитость инфраструктуры. В русле такого подхода лежит решение о создании в Индонезии пилотного Центра АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, который призван оценивать инфраструктурные проекты, получать финансирование из частных источников и отслеживать ход реализации поддержанных им проектов. Помимо Международного Банка реконструкции и развития (в значительной степени находящегося под контролем США) и Азиатского банка развития (в котором велико влияние Японии) в октябре 2014 г. объявлено о формировании нового кредитного института — Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (с капиталом до 100 млрд долл. и штаб-квартирой в Пекине), в котором ведущая роль будет принадлежать КНР.

Говоря о перспективах, Федоровский А.Н. констатировал, что грядет перевод конкурентной борьбы на очередную, главную стадию, на которой надо определить правовые и прочие «правила игры» в международных экономических отношениях. Прояснить нынешние реальные претензии в решении этих вопросов ведущих региональных держав, прежде всего Китая и США должен Саммит АТЭС 2014 г. в Пекине, на котором две страны представят свое видение перспектив региональной интеграции.

Докладчик остановился и на проблеме поворота России на Восток, охарактеризовав ее экономические отношения с тихоокеанскими соседями, включая ведущие державы ВА, как традиционное «взаимодополняемое партнерство». При нем торговля ведется с системным структурным дисбалансом у российской стороны. В этих условиях функционирование отечественного индустриального комплекса в целом и в его дальневосточной части не встроено в основные экономические процессы, происходящие в странах Восточной Азии, что и девальвирует усилия РФ по интеграции.

Суммируя вышесказанное, докладчик заключил, что потребность в реализации стратегического «поворота на Восток» требует существенной коррекции российской тихоокеанской экономической политики.

Отвечая на вопрос о том, как России встроиться в восточноазиатскую кооперацию, докладчик отметил, что может быть неплохой аграрная цепочка. Кроме того, необходимо реально открыть Дальний Восток для собственного российского бизнеса.

В докладе о торгово-экономических связях КНР с РФ и АСЕАН **Островский А.В.** подчеркнул, что в результате мирового финансового кризиса 2008 г. во внешнеэкономической деятельности идет постепенная переориентация КНР со стран ЕС и США на АСЕАН и БРИКС из-за продолжающегося ухудшения международной экономической обстановки. С конца нулевых годов XXI в. для Китая оказались ограничены возможности экспорта в США, Евросоюз и Японию, что заметно снизило экономический потенциал страны, ориентированный на внешние рынки. В начале 2010 г. Китай обозначил свою ориентацию во внешней торговле на страны АСЕАН, с которыми создана зона свободной торговли. При определенных условиях КНР может избавиться от зависимости китайского юаня от американского доллара, и после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА со временем превратить юань в резервную валюту в азиатской части мира — в странах Юго-Восточной и Восточной Азии.

В качестве экспортера капитала Китай уже вышел на 3-е место вслед за США и Японией. Быстрый рост инвестиционного потока за рубеж позволил Китаю усилить свои позиции на рынке прямых инвестиций как по доле в общемировом объеме инвестиций, так и по рейтингу. Крупнейшими рынками строительных проектов Китая являются Гонконг и Сингапур — соответственно 20% и 10% от всей суммы заключенных контрактов.

Быстрое развитие торгово-экономических связей со странами АСЕАН в значительной мере связано с развитием зоны КАФТА. После создания этой ЗСТ Тайвань был вынужден подписать рамочное соглашение с КНР, чтобы сохранить важный для себя рынок стран Юго-Восточной Азии, на который приходится значительная часть его внешней торговли.

В настоящее время Китай — крупнейший торговый партнер России в АТР, который превращается в один из ключевых центров формирующегося нового глобального сообщества. Как Россия, так и Китай решают задачи структурной перестройки экономик и в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм взаимодействия и сотрудничества. Несмотря на заметный рост объема внешней торговли между РФ и КНР — 89 млрд долл. в 2013 г. по сравнению с 33,4 млрд в 2006 г. доля торговли с РФ в объеме внешнеторгового оборота КНР по-прежнему остается низкой — чуть более 2% и будет в лучшем случае оставаться на этом уровне, невзирая на абсолютный рост объемов товарооборота.

По сути дела, Китай более заинтересован в российском экспорте, чем Россия в китайском импорте. Китаю необходимы такие товары, как нефть, природный газ, лес, рыба, цветные металлы — медь, никель, потребление которых резко возросло в последние годы, а также военная техника по линии “Рособоронэкспорта”. В экспорте из КНР в Россию заметную долю уже составляет машинотехническая продукция, хотя по-прежнему сохраняется объем поставок потребительских товаров и продуктов питания. Однако при нынешнем состоянии российской экономики районы Дальнего Востока и Сибири не могут без этого обойтись. На государственном уровне Китай всегда будет более заинтересован в поддержании российско-китайской торговли, нежели Россия, поскольку в экспорте из России преобладают недостающие в КНР природные ресурсы, а в импорте из КНР в Россию — потребительские товары и продукция машиностроения.

Объем внешней торговли между двумя странами во многом зависит от объема взаимных инвестиций в экономику, а эти объемы настолько малы, что не всегда попадают в сводные статистические показатели. Так что важная мера — увеличение объемов инвестиционного сотрудничества между странами, участие российского бизнеса в различных проектах на китайской территории, а китайского бизнеса — на российской. Другая мера — это развитие сотрудничества между регионами, участие в развитии проектов ре-

гионального сотрудничества, в частности, Китая — в развитии районов Дальнего Востока и Сибири, а России — в развитии Северо-Востока Китая и программы развития западных районов Китая. В этом плане важно и китайское предложение — строительство «Экономического пояса Шелкового пути», затрагивающее развитие инфраструктуры и создание совместных бизнес-проектов на территории Европейской части России. В частности, это строительство высокоскоростной железной дороги через Оренбург — Казань — Москву с двумя ответвлениями — на Минск и Центральную Европу и на Санкт-Петербург — в Северную Европу, а также участие Китая в строительстве моста через Керченский пролив в Крым и создание крупного торгового порта в Крыму — все на основе государственно-частного партнерства.

Директор Российского центра исследований АТЭС **Стапран Н.В.** дала оценку интеграционной повестки форума АТЭС-2014. Она отметила, что в контексте интеграции для России этот форум является небольшой дверцей в огромный регион. Характеристики о необязательном характере участия его членов в разных инициативах АТЭС России выгодны ввиду невысокого собственного потенциала и готовности. К тому же у нас есть свой интеграционный проект — ТС и ЕАЭС. Однако попытки развивать его наталкиваются на сопротивление США.

По данным докладчика совокупный ВВП стран АТЭС в 2013 г. составил 42 579 млрд долл. или 57% общемирового ВВП. Поэтому данная группировка является важным двигателем мирового экономического роста, а своевременное и адекватное участие в ней России служит залогом успешного продвижения ее стратегических интересов.

Рассматривая экономическую интеграцию в АТР в 2000-е гг., Стапран Н.В. отметила, что процесс выходит за пределы, обозначенные повесткой АТЭС. В частности, начинают стремительно развиваться интеграционные инициативы под эгидой АСЕАН и в формате двусторонних соглашений о свободной торговле (ЗСТ) между отдельными странами, в том числе и между странами восточноазиатской тройки (Китай, Южная Корея, Япония). В итоге вместо трех соглашений о ЗСТ, функционировавших в АТР на момент создания АТЭС (1989 г.), сейчас в регионе действует 56 соглашений, создавая запутанную сеть взаимных ограничений и обязательств, зачастую дублирующих, а порой и противоречащих друг другу. Для их объединения инициировано два альтернативных конкурирующих переговорных процесса по созданию мегаинтеграционных соглашений — один под эгидой США (Транстихоокеанское партнерство) и другой на основе формата АСЕАН+6 под руководством Китая — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

В целом все участники АТЭС разделяют китайское видение ЗСТ АТР, ни у кого не вызывает сомнений необходимость обмена информацией, поддержание транспарентности и наращивание потенциала для ее формирования. Однако попытка определить практические шаги по реализации ЗСТ не принесла успеха. Большинство экономик, в том числе и Россия, пока не готовы обозначать конкретные сроки (Китай предложил 2025 г.) и согласовывать конкретный план действий. Основным оппонентом Китая в данном вопросе являются США, видимо, опасаящиеся того, что переключение общего внимания на ЗСТ АТР затормозит переговорный процесс ТТП, который и так после присоединения Японии (2013 г.) испытывает значительные затруднения. По мнению докладчика, Россия имеет возможность занимать более гибкую позицию в данном вопросе, так как пока непосредственно не задействована в других интеграционных объединениях, кроме Евразийского экономического союза. Для продвижения собственных интеграционных интересов и задач ЕАЭС Москва очень заинтересована в открытости, транспарентности и возможности обмена опытом во всем том, что Китай намерен делать на пути к созданию ЗСТ.

ЗСТ АТР, как и ВРЭП, ввиду значительного количества участников представляют собой гибкие переговорные форматы, позволяющие сосредоточиться именно на обсу-

ждении экономических вопросов и забыть о взаимных политических обидах. По мнению докладчика, участие в этой ЗСТ может обернуться для России весьма существенными выгодами, так как за счет обеспечения наилучших условий для свободного движения товаров, услуг, инвестиций в перспективе должен значительно вырасти объем инвестиций и торговли со странами-участницами этого соглашения. Однако, пока открытым остается вопрос, нужно ли планировать участие России в 10–15 летней перспективе исключительно в ЗСТ АТР, или же сначала по аналогии с большинством других экономик АТЭС следует пройти обязательный предварительный этап в виде членства в ТТП или ВРЭП.

А.А. Рогожин выразил сомнение в том, что АТЭС важен для России, а также в реальности намерений России в отношении поворота на Восток, аргументируя практикой бывшего СССР, который торговал там, где это выгодно. Рассчитывать на то, что развитие Сибири мы сможем переложить на кого-то другого — это заблуждение, сказал Рогожин А.А.

А.В. Островский напомнил, что при расчетах в 2007 г. коэффициента взаимозавязанности экономики России с другими стран АТЭС она оказалась на 20-м месте. Если пересчитать сегодня, то изменений не произошло.

Заведующий сектором социально-экономических проблем ИМЭМО **Рогожин А.А.** в своем докладе провел некоторые параллели в прединтеграционных процессах в Восточной Азии. Он, в частности, отметил, что их развитие в настоящее время происходит по двум подчас параллельным, но зачастую пересекающимся направлениям — экономика и безопасность. Усиление связи между двумя этими направлениями становится все более очевидным.

Растет число соглашений о свободной торговле, заключаемых в регионе, которые в дополнение к их роли как факторов ускорения экономического развития, служат также геополитическим и стратегическим целям. Это меры по укреплению доверия, способствующие углублению региональной интеграции. В Юго-Восточной Азии такого рода активность наиболее заметна, особенно в сфере экономики. Страны ЮВА неспешно, но упорно стремятся к 2015 г. создать Экономическое сообщество АСЕАН на основе «единого рынка и производственной базы».

США и ЕС имеют веские стратегические причины для взаимодействия со странами Восточной Азии по целому ряду вопросов. В этом контексте четыре области могут быть выделены как имеющие особое значение: 1) стимулирование экономического роста; 2) укрепление безопасности; 3) сохранение стабильности; 4) создание отношений сотрудничества с Китаем. Хотя существует стремление к укреплению экономических связей США и ЕС со странами Восточной Азии, очевиден риск, что такой подход может быть подорван внутривосточными соображениями в США и ЕС.

В этом контексте потенциальная роль, которую региональные форумы и АСЕАН, в частности, могли бы сыграть в урегулировании конфликтов и содействии диалогу, все больше растет. Учитывая глубину торговых отношений внутри региона, как Китай, так и АСЕАН заинтересованы в предотвращении обострения здесь напряженности. В то время как Китай настаивает на двустороннем подходе к такой дискуссии, большинство стран региона предпочитают, чтобы любое потенциальное решение обсуждалось на прямых многосторонних переговорах между АСЕАН и Китаем.

За ростом Китая и проблемами, с которыми он сталкивается в настоящее время, тщательно следит остальной мир. С одной стороны, есть опасения, что если Китай будет доминировать в региональных политических институтах Восточной Азии, он сможет влиять на них таким образом, что может нанести ущерб интересам США и ЕС. С другой — все большим признанием пользуется совет, высказанный группой американских экспертов: лучшим вариантом для США в Восточной Азии является отказ от претензий на господство и раздел сфер влияния с Китаем. Однако на фоне нарастающих интеграционных тенденций в Восточной Азии в США и в ЕС все большую популярность приобре-

тает точка зрения, что вместо того, чтобы преследовать свои интересы на двусторонней основе с отдельными странами в регионе, западные силы должны закреплять свое положение вхождением в состав многосторонних организаций региона.

Основной задачей сотрудничества ЕС и США в регионе постепенно становится создание механизмов для дальнейшего укрепления региональных структур, способных обеспечивать их собственные интересы.

Профессор РУДН **Тавровский Ю.В.** остановился на формировании экономической зоны в рамках Шелкового пути как интеграционном проекте. При этом он отметил, что характерной особенностью проектов Трансатлантического партнерства и ТТП является то, что в них не предусмотрено членство Китая и России. Более того, именно против этих держав и их партнеров по БРИКС, ЕАЭС, ШОС и нацелены геоэкономические проекты США. Ответом на грозящий Китаю экономической изоляцией проект ТТП, а также план военно-политического сдерживания Китая под названием «Поворот в Азию» (Pivot to Asia) стали концепции Экономической зоны Великого шелкового пути (ЭЗВШП) и Морского Шелкового пути для XXI века (МШП-21). За прошедшее время новая концепция так и не получила привычных на Западе четких очертаний геоэкономического образования. Возможно, этот метод внешней политики нового Председателя КНР является продолжением традиции не имевшего четкой структуры Шелкового пути старинного. Пролегаящий вдоль древнего пути новый экономический коридор — от Тихого океана до Балтийского моря — охватывает более 30 стран Евразии с населением свыше 3 млрд человек. По статистике в настоящее время страны, расположенные на Шелковом пути, обеспечивают до 23 процентов мирового экспорта.

Новая концепция Пекина вызвала в России неоднозначную реакцию. Некоторые российские эксперты стали называть ее «рецидивом китайского гегемонизма», «противостоянием проекту Евразийского экономического союза» или даже «попыткой отторжения от Москвы ее сферы влияния в Центральной Азии». Но в мае 2014 г. российский лидер заявил о поддержке экономической зоны Шелкового пути, транспортной интеграции, участия китайских компаний в освоении российского Дальнего Востока, в т.ч. в модернизации БАМ и Транссиба.

Стратегическая концепция Сообщества общей судьбы Китая и АСЕАН и совместного построения ими «Морского шелкового пути XXI века» также не имеет четких организационных рамок. Она, по формулировке Председателя КНР Си Цзиньпина основана на принципах доверия, открытости и толерантности, направлена на укрепление добрососедства.

По мнению докладчика, две новые концепции Си Цзиньпина говорят не о стратегическом наступлении Китая, а об активной стратегической обороне, призванной ответить от страны все более реальную угрозу экономической блокады и военно-политического сдерживания. Первая — с Запада, вторая — с Юга и Востока. Северный периметр китайских границ надежно прикрыт стратегическим партнерством с Россией. Создание ЕАЭС с участием Казахстана, перспектива присоединения к интеграционному объединению Киргизии и Таджикистана делают ситуацию в регионе более предсказуемой.

Разрабатывая и осуществляя две параллельные стратегии Шелкового пути, Пекин главной целью считает обеспечение экспортного товаропотока в Западную Европу самым безопасным путем. Транзитные страны и регионы при этом имеют не меньшее значение как рынки и источники сырья. Это относится и к странам АСЕАН, и к государствам Центральной Азии. Емкость их рынков (400 млрд долл. и 40 млрд долл. соответственно) сравнима с рынками Европы или даже целой Африки.

Россия в рамках концепции ЭЗВШП выглядит не как стратегический рынок, а скорее как важная транзитная территория. С учетом сохраняющейся нестабильности на Среднем Востоке и в Закавказье контролируемые Россией транспортные артерии приоб-

ретают первостепенное значение. Растущий интерес Пекина вызывает Северный морской путь.

Санкции, наложенные на Россию под предлогом событий на Украине, открывают перед китайскими товарами обширные ниши, до этого занятые европейскими и американскими товарами. В скором будущем можно ожидать также роста товарообмена в результате решения Пекина разрешить крупные инвестиции в России и решения Москвы снять гриф секретности с некоторых российских технологий, допустить китайские компании в крупные инфраструктурные проекты. Нарастающее политическое, военное и экономическое сдерживание Западом как России, так и Китая вполне может привести к тому, что Россия станет одним из главных китайских рынков.

В.Я. Портяков сделал уточнение, что у Шелкового пути есть более широкий геополитический контекст — *Go West*, западные специалисты только так и восприняли планы Китая. Н.Г. Стапран высказала мнение, что стратегия ухода США из Афганистана была увязана с проектом Шелкового пути. Ю.В. Тавровский дополнил, что в начале 1990-х гг. Евросоюз выдвинул идею строительства Шелкового пути, затем США объявили похожий проект.

Гл. н.с. ИДВ РАН **Суслина С.С.**, в частности, остановилась на проблеме заинтересованности в восточноазиатской интеграции государств Корейского полуострова и в первую очередь Республики Корея.

Восточноазиатская экономическая интеграция затрагивает и проблему реинтеграции экономик двух корейских государств, поскольку она является важным фактором обеспечения безопасности в регионе и необходимым условием реализации ряда перспективных многосторонних проектов. Создание зоны свободной торговли в Евразии позволило бы снять многие противоречия между странами, в том числе могло бы ускорить процесс экономического объединения стран Корейского полуострова и создать колоссальный по емкости единый рынок, подобный Евросоюзу.

До недавнего времени наиболее трудно шел процесс интеграции. Такие ведущие страны этого субрегиона, как РК и Япония делают особый акцент именно на формате Восточноазиатского сообщества. ВАС объединяет 3,4 млрд населения, что составляет 54,1% мирового населения; суммарный экспорт и импорт стран ВАС достиг 10 трлн долл., что сопоставимо с показателем ЕС (12 трлн долл.), кроме того 44% торговли приходится внутри ВАС. Если брать его северо-восточную часть, то только на Южную Корею, Японию и Китай в совокупности приходится более 70% мирового объема производства.

За последние десятилетия степень взаимозависимости экономик ключевых стран СВА — КНР, Японии и РК — значительно возросла. Экономический союз трех стран способен стать крупнейшим экономическим блоком мира, опередив США и ЕС (в 2012 г. объем ВВП этих трех стран составил 21,8% мирового). Заключение соглашения о свободной торговле подтолкнет экономический рост и товарооборот стран-участниц. Так, потенциальный прирост ВВП РК оценивается в диапазоне от 0,95% до 5,15%, Китая — от 0,03% до 1,54%, Японии — от 0,03% до 1,24%.

Характеризуя инвестиционное сотрудничество между тремя странами, докладчик отметила, что объем внутрирегиональных инвестиций находится на довольно низком уровне. Основной поток инвестиций направлен из Японии и Республики Корея в Китай. Иная ситуация сложилась в торговле.

Доля региональной торговли в общем объеме внешней торговли трех стран товарами увеличилась с 2008 по 2013 гг. с 10,2% до 19,6%. Одновременно наблюдается нарастание конкуренции между тремя странами в областях обрабатывающей промышленности, в частности в сталелитейной, автомобильной и судостроительной сферах на фоне сходной структуры экономики.

«Толчок» к развитию необходим и в сфере торговли услугами. В Японии и Республике Корея торговля услугами занимает соответственно 80% и 60% ВВП, в Китае ее доля равна 40%. Хотя все три страны могли бы эффективно дополнить друг друга, так как каждая имеет свои преимущества, пока, как отметила Суслина С.С., реализация потенциала сотрудничества в этой области между тремя странами находится на очень низком уровне.

В числе главных факторов, затрудняющих переговорный процесс по зоне свободной торговли между этими странами, выступает конфликт экономических интересов трех стран. В то же время, подытожила Суслина С.С., очевидно, что цели, которые Япония, Китай и Республика Корея стремятся реализовать через заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле, не ограничиваются соображениями торговли. Китай надеется повысить взаимозависимость трех стран, что позволило бы снизить влияние США в регионе, которое во многом проводится через Японию и РК. Япония, любыми способами пытающаяся «реанимировать» экономический рост, в первую очередь рассчитывает на дальнейшую концентрацию экономических интересов Китая в регионе Северо-Восточной Азии после заключения такого ССТ. Сеул в этом проекте видит возможность реализовать себя в качестве «медиатора» в соперничестве Китая и США, то есть взять на себя те же функции, которые опосредованно представлены в ВА Японией.

Подводя итоги дискуссии, модератор, отметив выдающиеся успехи Восточной Азии в последние десятилетия, повысившие ее глобальный экономический вес, обратил внимание на рост влияния стран этого региона в глобальных институтах. Дальнейший быстрый и стабильный экономический рост и международное признание будут зависеть от того, насколько страны региона используют новые возможности и справятся с многочисленными вызовами. Наиболее очевидна необходимость дальнейшей региональной интеграции, чтобы воспользоваться преимуществами китайской динамики и справиться с ростом неравенства и другими социальными проблемами. Перед странами региона также остро стоит задача создания инновационных и устойчивых к стихийным бедствиям городов, обеспечения экологической устойчивости.

В то же время, учитывая повышение роли Восточной Азии в создании эффективной и стабильной глобальной системы хозяйства, странам региона придется увеличить свой вклад в борьбу с глобальными дисбалансами, построение стабильной и эффективной международной финансовой архитектуры, смягчение последствий изменения климата.

В заключение Мазырин В.М. выразил надежду, что предпринимаемые руководством РФ меры в сложной ситуации западных санкций послужат эффективному решению практических вопросов развития нашей экономики и ее интеграции в формирующуюся экономическую систему Восточной Азии.